

18+

Нелли Бородянская

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЦВЕТЫ

сборник стихов

Нелли Бородянская

Железные цветы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60968797

ISBN 9785005151889

Аннотация

Эта книга необычных, удивительных, очень трогательных и точных стихов не только вызывает в сознании читателей светлые ассоциации, но и побуждает задуматься. За лёгкими, волшебными, крылатыми образами, созданными поэтессой, – глубокое осмысление исторических событий и преданий, тонкое понимание души человеческой. Читать и думать – рекомендовано!

Содержание

Несколько глотков из Иппокрены	6
Из цветочной серии	10
Роза	11
Ромашка	13
Подорожник	15
Фиалка	17
Одуванчик	18
Из детской серии	19
Снежинка	20
Сестра	21
Перед выходом в школу	23
Триптих про папу	24
Лужи	25
Ботинки	26
Меж галактик	27
Из серии «Земля обетованная»	28
А в Израиле Пурим	29
Танго в Иудейской пустыне	31
Яд Ва-Шем. Детский мемориал 2	32
Йерушалайм	33
Кейсария	35
Яффо	37
Из Петербургской серии	39

Ностальгия	40
Замок Павла	42
Призрак с канала Грибоедова	45
Старый зимний дворец Петра	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Железные цветы

Нелли Бородянская

Нелли Бородянская *Иллюстратор*

© Нелли Бородянская, 2020

© Нелли Бородянская, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-5188-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Библиотека Беляевского фонда поддержки и развития литературы

Несколько глотков из Иппокрены

*...там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
струи Арагвы и Куры...
М. Ю. Лермонтов*

Знающие люди утверждают, что петербургский поэтический мейнстрим – стихотворения для души. И это несомненная правда, наглядным подтверждением чему служит новая книга петербургской поэтессы Нелли Бородянской. Она звучит детскими голосами, волнует чувственными обертонами зрелой женщины, мягкой акварелью и балтийским графитом набрасывает скетчи уличных сценок. Впечатления от путешествий и встреч становятся миниатюрами в легкой музыкальной тональности рифм и ритмических рисунков. Но как же они рождаются?

По наитию, говорят одни. Когда потребует поэта к священной жертве Аполлон, утверждают другие. Когда б вы знали, из какого сора, признаются третьи... Да вот беда: все эти высказывания в действительности ничего не объясняют. А может, правда – все это вместе: стоит Аполлону призвать поэта, как на того снисходит Бог весть откуда наитие, и вот уже изо всякого сора рождается...

Стоп! Отнюдь не из мусора! У Бородянской, например,

для этого нужно взять легкое дыхание, немного иронии, музыку детского спектакля, щепотку морали, чуточку вуайеризма, горсточку обиды, заправить талантом и... результат неожиданно разбегается по разным главам. В одной шмель грубо, в лучших басенных традициях мнет чувствительную ромашку, в другой лучшим подарком для мамы становится снежинка. Только поверишь в детскую непосредственность автора – и сразу под южным небом звучит танго в Иудее, Персей и Андромеда творят легенду в Яффо (то бишь нынешней Яффе), а Пилат строит храм в Кейсарии (не путать это основанное в 1977 году поселение с древней Кесарией Палестинской, существовавшей во времена пятого прокуратора Иудеи в другом, расположенном юго-западнее месте). И снова петербургские акварели, призраки, сны, воспоминания...

Немного морали в сторону московского золотого тельца – и вас ожидает внезапное падение на темную сторону силы, а затем: «Выпью бокал вина и начну ваять /Рунами алых рифм эпилог любви...». Приходится соглашаться с поэтессой, что «В красном платье шикарном я фатально- вульгарна, /Но животно-желанна». А когда среди самоироничных рассказиков в стихах неожиданно тяжело падают обсидиановыми бусинами русского хокку в могилу слова: «не пугай меня, проснись, мама» – невольно подступают слезы. И это все та же традиция имперской северной столицы.

Но постойте, если вернуться к началу нашего разговора,

необходимо признать, что литературный мейнстрим (напомню для тех, кто изучал не английский, а скажем, маорийский, нганасанский и суахили, что на языке родных осин это просто-напросто «главный поток»), подобно речным потокам складывается из вод нескольких притоков. Иначе не бывает. Так что в петербургской традиции, пусть даже не в такой степени, как стихи для души, распространены и стихотворения для ума. И опять-таки у Бородянской игры в женщину-вамп прекрасно сочетаются с обращением к Татьяне Лариной и библеистическими текстами. Что никоим образом не удивительно: ведь поврозь бездушный ум не менее страшен, чем безумная душа...

Но простите, отвлекся. Библейские сюжеты плавно продолжают книгу, одновременно выявляя воды еще одного притока, питающего петербургский мейнстрим – культурную традицию. Хотите убедиться – обратите внимание на сноски, сопровождающие стихотворения на библейские (Саломея, Юдифь) или исторические (Замок Павла I) мотивы.

Наконец, завершение сборника – ранние, трогательные стихотворения, которые так будят воспоминания беззащитной юности, за пахи и ароматы весны. Казалось бы – рецепт хорошей книги прост, но под этой обложкой собрано несколько маленьких сборников, в каждом из которых своя большая изюминка для взыскательного читателя.

И надеюсь, чтение этой книги доставит вам, досточтимые

читатели и читательницы, не меньше живительной влаги для
ума и души, чем вашему покорному слуге

Андрею БАЛАБУХЕ

Из цветочной серии

Роза

Под жарким солнцем поникла Роза —
Почти не дышит,
А все прекрасна...
Шипы сухие немой угрозой
Глядят капризно, торчат опасно.

Еще шикарна... еще богемна...
Еще пленяет... еще волнует...
Что снится Розе? – Сады Эдема,
И гордый рыцарь, что расколдует.

Прискачет к Розе в лучах рассветных
Герой достойный из древней саги...
В кошмарах Роза боится ветра
(А пуще ветра боится влаги).

Так в полудреме —
Цветов царица —
Скучает Роза от жизни прозы...
И верит в сказку,
Что в стане принцев
Найдется рыцарь, достойный Розы.

Мечтала Роза – ждала героя...
Пришел садовник в дешевых туфлях,

Облил «царицу» речной водою —
Забили соки... бутоны взбухли...

Стыдливо Роза кривила губы:
– Какая низость!
Какая наглость!
Пьянела Роза от ласки грубой...
Алела Роза...
и распускалась.

Ромашка

Погожим днем повеса-Шмель
Летел долиной —
Был респектабелен и смел
Полет шмелиный.

Под ним, во всей красе – яркие
И многолики
Благоухали цветники —
Герань, Гвоздики...

Раскрыв фиалок паруса
Без церемоний
Затмила напрочь бирюза
Кармин Бегоний...

Затерли желтым Васильки
Мимоз кудряшки...
Лишь безучастно у реки
Росла Ромашка.

Не леди и не топ-модель —
Простолюдинка.
– Не на нее ль... повелся Шмель?.. —
Шипит Кувшинка.

Бушует Фрезий акварель
Под стон Гортензий:
– Очками розовыми Шмель
Глаза завесил!

А Шмель уже Ромашку мнет
И опыляет —
Ломает почки, стебель гнет
В песок вжимает...

Слетает желтая пыльца
С его тельняшки...

Что ж ты, любимая, в слезах?
– Терпи, Ромашка!

Подорожник

Подорожник расцвел —
в его листьях устроилась фея,
Позволяя ему
созерцать неземную красу.
Он был рад быть лакеем,
в парадной зеленой ливрее,
Собирая в листочки,
как в ковшики, фее росу.

А она без стеснения
топтала сорняк-подорожник,
Добавляя в истерики
слезы и долю острот.
Подорожник живуч —
переедет его внедорожник —
Будет более гибок...
А значит, и строже подход!

Он терпел, упрекая
себя за нехватку терпенья,
Он старался для феи
драконов окрест одолеть.
А она, как актриса,
в экстазе своих выступлений,
Чтоб форсировать боль,

применяла то пряник, то плеть...

Он лечил ее нимбы
и рвал свои листья – на крылья,
Пересохший, усталый
и яростно втопанный в грязь,
Выживал на пределе...
потом отлетел от бессилья.
А она ему вслед:
«Оборванец! Ничтожество! Мразь!»

Он летел во весь дух,
становясь по дороге сильнее,
Познавая взаимность
любви и пределы чудес,
Оставляя в минувшем
проклятья покинутой феи,
Постигающей боль
просыпаться мучительно без...

Фиалка

Лазурью платья пленяя взгляды
В тенистой роще росла Фиалка.
Оболтус-Жук был иного склада —
Любил сраженья и догонялки.

Соприкоснулись они случайно
И опьянели в одно касанье...
Напрягся стебель, и зазвучали
В бутонах струны от колебаний...

И для Фиалки Жук стал героем,
Ее кумиром, ее владыкой...
(Хотя водился он с мошкаркою
И слыл повесой да прощелыгой).

Но грянул с неба громадный дятел
И в одночасье склевал героя...
Порвались струны. Завяло платье.
И почернела Фиалка с горя.

Но как-то утром тень Махаона
Цветок накрыла крылом махровым —
Запели струны внутри бутонов...
И распустилась Фиалка снова.

Одуванчик

Он был одним из тысяч одуванчиков,
Ничем не выделяясь из сословия.
Но, видимо, Амур стрелой обманчивой
Случайно зацепил нутро коровье.

Корова Одуванчика не трогала.
Из-за него не ладила с сестрицами —
Хранила... Да губами нежно чмокала
И хлопала огромными ресницами.

Но только краток век у одуванчика.
И, невзирая на ее старания,
Он как-то раз рассыпался фонтанчиком
От одного неловкого дыхания...

Из детской серии

Снежинка

У окна стою в пижаме.
Снег кружится – я смотрю.
На Восьмое Марта маме
Я снежинку подарю.

Сестра

Я так люблю свою сестру,
Но смех ее веселый
Я редко слышу —
Поутру
Она уходит в школу.

Приходит – достает тетрадь
И аккуратно очень
В ней начинает рисовать
Почти до самой ночи.

Вот и сегодня у нее
До вечера мороки,
Опять тетрадку достает
И делает уроки.

Но позвала сестренку мать,
А я один остался —
Открыл заветную тетрадь
И сразу разобрался:

Нашел фломастеры в столе —
Размашисто рисую
Бабу Ягу на помеле
И тройку удалую,

На два листа морскую гладь
И танкер супермощный...
Теперь сестра оценку «пять»
Получит в школе точно!

Перед выходом в школу

Перед выходом в школу
Столько страхов и дум...
Но портфель упакован,
Отутюжен костюм,
Блуза белого цвета,
Как тетрадка, чиста,
Не забыты конспекты,
И указка взята,
Туфли новые впору...
Но не чувствует ног
Перед выходом в школу
Молодой педагог.

Триптих про папу

Лужи

В апрельском солнце лужи
Горят со всех сторон!
Зачем же держит папа
Меня за капюшон?

Мне б хоть одним ботинком
В такую наступить
И топнуть, чтоб на брызги
Блестящие разбить,

Чтоб в небеса взметнулся
Сноп капель золотой...
Я вырвался от папы —
Бултых! И под водой...

Сверкающие брызги
Летят со всех сторон...
И снова тащит папа
Меня за капюшон...

Несет домой... Я плачу —
Ну, как тут не рыдать,
Когда такие лужи
И хочется гулять?!...

Ботинки

Ура! Пришел с работы папа,
И я к нему скорей бегу!
Сниму с него, подпрыгнув, шляпу,
И шарф стянуть я помогу...

Несу ему из кухни плюшку...
Танцую... – папа, посмотри!
Веду его к своим игрушкам —
Что хочешь, папочка, бери...

Вот «Мерседес», вот фура мчится,
Вот самосвал и трактора...
Но за компьютер он садится —
Своя у папочки игра...

Зеленый танк и два пикапа,
Кавалериста на коне...
Я положу в ботинки к папе —
Пусть утром вспомнит обо мне!

Меж галактик

В толчее шагаю твердо,
Потому что мне видна
Впереди, как парус гордый,
Папы сильная спина.

По лесам и по ухабам...
Я нигде не пропаду!
Ведь за лучшим в мире папой,
Словно хвостик, я иду.

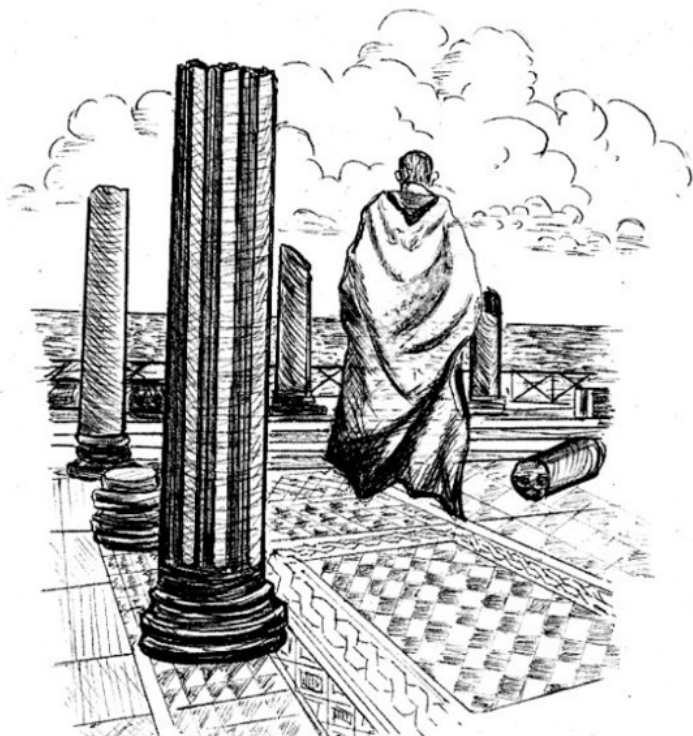
Я шагаю меж галактик,
Меж созвездий и планет
За знакомой курткой папы, —
Ведь надежней папы нет.

Так я шел и не боялся.
...Но потом пришла беда:
Он ушел, а я остался
Меж галактик навсегда.

— — —

Я проснулся и заплакал —
Хмурый день от сна не спас...
Ведь в реальной жизни папа
В самом деле бросил нас...

Из серии «Земля обетованная»

А в Израиле Пурим

Сияющей лазурью окрашен небосвод.
Беспечный праздник Пурим по городу идет.¹
По всей проезжей части бушует карнавал:
Индеец «Зоркий Ястреб», центурион и галл...
Шагают ходулисты, жонглирует жонглер,
Вот графа Монте-Кристо приветствует Вильфор,
Монтекки с Капулетти оставили вражду,
И взрослые, и дети, ликуя, чуда ждут,
Здесь даже Гарри Поттер Волан-де-Морту рад,
Проблемы и заботы уносит маскарад.
Кухарка и вельможа, блестящий Мистер Икс...
А ведь под маской может скрываться террорист.
Но ангелы на крышах наш праздник стерегут —
Невидно и неслышно раскроют и найдут
Преемников Аммана – противников Эстер,
За стойкой ресторана дежурит Люцифер.
В стране, что каждый праздник грозят взорвать и сжечь,
Такую безопасность попробуй обеспечи!
Посланника «Хамаса» попробуй обнаружь!
Поэтому среди масок – сотрудники спецслужб,
Поэтому в оконце скрывается стрелок...
А с неба в маске Солнца на праздник смотрит Бог.

¹ Пурим – еврейский праздник-карнавал, в память о спасении евреев царицей Эстер (Есфирь) от истребления их в Персии любимцем царя – Амманом.

Сияющей лазурью окрашен небосвод.
Беспечный праздник Пурим по городу идет!

Танго в Иудейской пустыне

В Иудейской пустыне,
Где, как в веку Талмуда,
Вдоль дороги верблюды
Жуют ковыль,
Есть оазис донине
(Упомянутый в Торе), —
Это Мертвое море,
Где вечный штиль.
Соляные кристаллы,
Как сугробы, белеют.
Это море мелеет...
Густит водой...
Это море устало,
Это море не вечно
Но пока что беспечно
Струит покой.
За горами свернулось
Утомленное солнце
И блестящим червонцем
Упало в штиль.
Мне немного взгрустнулось
В Иудейской пустыне,
Где верблюды донине
Жуют ковыль.

Яд Ва-Шем. Детский мемориал ²

Мошик был прехорошенький, как младенчик с иконы...

Сара – мамино солнышко... Авиталь и Иона...

Погремушки-куличики... ямы, печи да кости...

Ручки, локоны, личики ...сметены Холокостом.

В зеркалах преломляется свет свечи Яд Ва-Шема,

Имена оглашаются в тишине оглашенной.

Ручки... локоны... личики... Авиталь и Иона...

Стерты в пепел – в количестве ПОЛТОРА МИЛЛИОНА

² Яд Ва-Шем – Мемориальный комплекс истории Холокоста в Иерусалиме. Детский мемориал – выдолбленная в скале темная пещера, в которой горит свеча, отраженная тысячами зеркал. Под сводами мемориала звучат имена еврейских детей, погибших во время Катастрофы.

Йерушалайм

В лучах рассветных
Святой и Вечный
Господень град —
Столица мира – Йерушалайм...
В плену у сна...
Здесь на погибель и во спасенье
Христос распят.
Здесь начинались
Союзы, Ложи и Ордена...

Что видишь в грезах, заветный город?
Какие сны?
Царей – Давида и Соломона?..
Хирамов Храм?..
Рассвет величья...
Деленье царства напополам?..
Царей растленье... Святынь крушенье...
Кошмар войны?..

Проснешься чистым погожим утром,
а за Стеной
На месте Храма мечети Купол,
что над Скалой... ³

³ Купол над Скалой – мусульманское святилище над камнем Основания

Спешат на службу – священник, пастор,
Раввин, мулла...
Трубят шофары, звенят тягуче
Колокола...
В лазурном небе горят на солнце
Церквей кресты...
Для трех религий, Йерушалайм,
священен Ты!

Кейсария

Порталы, мозаики, цепи аркад —
Кейсарии древней руины...
Трибуны режут – ипподром-амфитеатр
Захвачен забавой звериной.

Хитоны евреев, туники гетер,
И римские тоги патриций ⁴
Взвиваются...
Зубы гиен и пантер
Вонзаются в горла и лица...

Окончился бой – гладиаторов кровь
Смывает с арены зритель...
И в театр – на драму о кознях богов
Стремится пресыщенный зритель.

В висячих садах расцветает миндаль,
Рождается Новая Эра.
Отсюда в Европу Священный Грааль
На нефях везут тамплиеры...

С ордой мамелюков разрушит султан

⁴ Столкнулась с двумя вариантами склонения этого слова во множественном числе. Я проверяла себя по этому словарю: <http://popadezham.ru/patriciiy.html>

Античный оплот паладинов.
Затянет легенд и сказаний дурман
Кейсарии древней руины.

Укроются мифы в песке и плюще,
Но может, окрест колоннады
Мелькнет в своем белом с подбоем плаще
Тоскующий призрак Пилата.⁵

⁵ В 1961 г. в развалинах театра Кейсарии обнаружена известняковая плита с надписью-посвящением, в которой говорится, что Понтий Пилат построил храм (святилище) в честь императора Тиберия. Эта плита стала первой археологической находкой, подтвердившей существование Пилата.

Яффо

Прибоем о причал, луной над минаретом,
Меняет Яффо свой сорок четвертый век – ⁶
Густая тьма лежит на скалах Андромеды —
В ней мертвый Ной бредет достраивать ковчег...

Пугающе стучат копыта Буцефала...
И Ричард тоже здесь... за рыцарским столом...
А мы с тобой сидим на пирсе у причала,
С начала всех начал – под звездами вдвоем.

Ты помнишь, что еще с рождения планеты
Слиянием миров, была я лишь твоей?
Я для тебя, Персей, останусь Андромедой,
И ты спасешь меня от всех невзгод, Персей!

Прибоем о причал, волной дробясь на брызги
Моя любовь к тебе жива из века в век.
Нас Яффо сочетал в предшествующих жизнях —

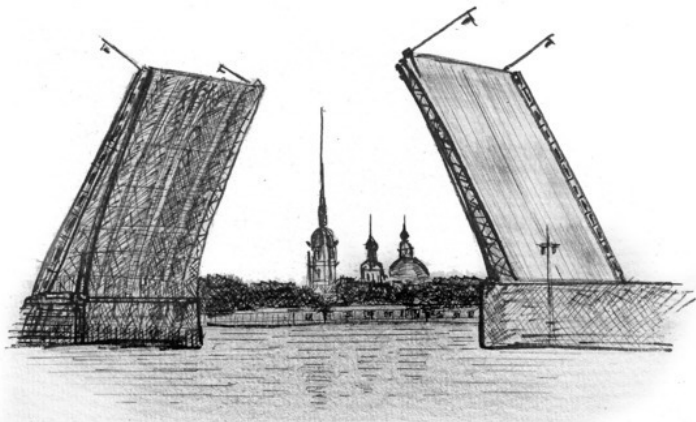
⁶ Яффо (в России произносят – Яффа) – один из древнейших непрерывно населённых городов мира. Улицы этого города помнят фараона Тутмоса III, Александра Македонского, Ричарда Львиное Сердце, султана Бейбарса I и Наполеона. Здесь Ной построил свой ковчег, отсюда пророк Иона (путешествовавший в чреве кита) отправился в свой путь, здесь была воскрешена Петром праведная Тавифа, а древнегреческие писатели помещали сюда освобождение Персеем Андромеды...

На этом берегу мы строили ковчег...

Всегда и вечно здесь – в Земле Обетованной,
В кровопролитье битв... в притонах и дворцах...
В плену у короля... наместника... султана... —
Ты находил меня по промыслу Творца.

Мы вместе навсегда – Персей и Андромеда...
Где явь, а где мираж, уже не разберешь.
Нам вместе суждено идти по жизни этой
И в следующих вновь ты здесь меня найдешь!

Из Петербургской серии

Ностальгия

В далекой стране, где все время весна и лето,
Где ласково солнце, а берег целует волна,
Мне всюду мерещится город гранитный этот,
Где я в постоянном смятенье и вечно больна.

Где белая ночь, рассеченная шпагами шпилей,
Взирает на сфинксов из марева северных волн,
Мосты до рассвета разводят железные крылья,
И вздыблен под царственным всадником бронзовый конь.

Где Зимний дворец держат спины могучих атлантов.
Где ангел с крестом, Монферраном воздвигнутый ввысь,
Глядит на бродягу-бездомного с томиком Канта.
Где в каждом фасаде – поэзия, поиск и мысль!

Где стены домов помнят цену блокадного хлеба.
Где тучи лиловы и холоден солнца софит...
И мне в акварель безупречного здешнего неба
Охота добавить растертый балтийский графит.

Замок Павла

Мрачный замок в закате алом.
Режет ночь силуэт креста.
Это здесь убивали Павла
Благородные господа.

Павел-Павел, несчастный Павел...
Перед гибелью столько мук...
Предсказал тебе вещий Авель⁷
Смерть от рук вероломных слуг.

Мост цепной и ворота с рустом
Не спасут головы твоей.
Царедворцы упьются хрустом
Августейших твоих костей.

«От удара скончался Павел»
(...табакеркою, в пол-лица).

⁷ Монах Авель (Васильев) предсказал целый ряд исторических событий второй половины XVIII века. Павлу I было предсказано следующее: «Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой ...в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей... стремясь оправдать свой грех цареубийства, возгласят тебя без умным, будут поносить память твою... Число лет твоих подобно счету букв на фронте твоего замка... „Дому твоему подобает святыня Господня в долготу дней“». Число букв действительно совпало с числом лет жизни императора.

– Цесаревич, вы не слышали
Окровавленный зов отца?..

При параде – в крестах и лентах
Пален, Зубовы... визави?!⁸
– Александр, отчего вы бледны?
Руки в батюшкиной крови?..

Вы бежите, виновны будто —
Уезжаете впопыхах...⁹
Вспоминая ночами Брута,
Что вы видите в зеркалах?!

Белой ночью в начале лета
По фасадам скользит заря.
И играет на флажолете

⁸ Пален П. А. – генерал-губернатор Петербурга, технический руководитель заговора. Братья: Зубов П. А. (один из руководителей заговора) и Зубов Н. А. (первым ударивший Павла золотой табакеркой). Заговорщики не понесли никакого наказания. Некоторые, наоборот, сделали блестящую карьеру (например Голенищев-Кутузов П. В. – флигель-адъютант императора, сразу же после переворота назначен командиром Кавалергардского полка).

⁹ После убийства семья царя спешно покинула замок. В него стали вселяться различные малозначительные учреждения, которым, по выражению Столпянского, «не находилось другого места». Александр I даже позволил собираться в его стенах представителем татарской общины для проведения молений по крупнейшим мусульманским праздникам. Здесь располагался Капитул российских орденов, Комиссия духовных училищ, частные квартиры... Наконец, в 1819 году его передали Инженерному училищу. (Второе название замка – «Инженерный»)

Неотмщенная тень царя.¹⁰

¹⁰ Согласно городской легенде, призрак убитого императора иногда появляется в окнах замка. А по его залам разносятся звуки фляжолета, на котором Павел играл при жизни.

Призрак с канала Грибоедова

Детские балы и менуэты —
Вы в изящном фраке, Николая.
И едва касается паркета
Соня, в мираже из хрусталя...
Детские забавы на пароме,
Лилий и кувшинок лепестки...
Вы тонули – вас спасала Соня...
Вы касались Сониной руки...
Но сменила платья с кринолином,
Экипажи и «шато-лафит»
На убогость изб, где гнили спины
«Смердов», повзрослевшая Софи.
Шёлком пальцев, созданных для блеска,
Врачевала «сброд»... «крещённый скот»...
Несмотря на казни и аресты
Прочих, что направились «в народ».
Вы же «в гору шли». Стараясь. Рьяно.
И когда знакомая рука
Поднялась, на пагубу тирану,
Взмахом снежно-белого платка,
Будучи сановным прокурором,
Новой власти верность проявив,
Смертного добились приговора
Легендарной речью ...для Софи.

Строятся полки у эшафота —
Плац-парад, попы, гробовщики...
Вот она! Среди прочих «Дон-Кихотов» —
Губ не побледнели лепестки...
Розовеют... как перед Сенатом —
На последнем вашем randevу.
Террористка. Дочь аристократа.
Взгляд последний в неба синеву.

Надевает белые перчатки
Будущий министр – Николя.
...И едва касается брусчатки
Соня, в мираже из хрусталя —
Грубый след удавки шрамом красным
Искажает шеи красоту...
Ваше благородие, не вас ли
Ищет призрак Сони на мосту? ¹¹

¹¹ Один из самых известных призраков Санкт-Петербурга появляется мартовской ночью на одном из мостов бывшего Екатерининского канала. По легенде – это призрак Софьи Перовской, возглавившей в 1881 году последнее покушение на Александра II. Взмахом белого платка Софья подала сигнал Гриневицкому бросить бомбу в приговоренного народовольцами царя. После теракта отказалась уехать из Петербурга. На десятый день арестована и предана суду. Обвинителем на этом суде был товарищ ее детских игр Николай Муравьев, ставший в последствии министром юстиции (тем самым, который, несмотря на предупреждение Гапона, не предотвратил «Кровавого Воскресенья» 9 января 1905 года, а через несколько дней благополучно уехал послом в Рим).

Старый зимний дворец Петра

В черных тучах луна ощерилась,
И отнюдь не сулит добра...
Жутко смотрит голодным черепом
В новый зимний дворец Петра.¹²

Мертвым оком обводит детскую,
По кровати лучом скользит —
На пеленках орлы имперские,
И ребенок в ночи не спит.
Треснул пол... или только кажется.
...Покачнулись потолки...
– Из разверстой могилы тянутся
Человечие костяки...
Мерно движется лунный маятник.
Тонет детская в мертвецах.
– Мы с тобой, цесаревич маленький,
Посчитаемся за отца!
– Мы! ...безвестные и забытые

¹² Старый зимний дворец Петра I сохранился частично. Сохранившаяся часть (в том числе «малые палаты», в которых скончался государь) располагается под зданием Эрмитажного театра. В этом дворце Петр был по-настоящему счастлив со своей Катериной... В нем же скончался... и смерть его была мучительной... Ради любимой супруги Петр лишился наследства, а потом и жизни старшего сына Алексея, назначив наследником трехлетнего сына Екатерины – Петра Петровича. Но не прошло и года, как ребенок скоропостижно умер.

Безымянные мастера,
Словно сваи, в болота вбитые
«Парадиза» царя Петра.¹³
Здесь ...мы падали в измождении,
Тачки с глыбами волоча...
И теперь мы хотим отмщения
От наследника палача!
За бичи, что вонзались с брызгами
В оголенное мясо спин...
За сырые землянки с крысами...
Ты ответишь нам, царский сын!
Насладимся тобою досыта!
Будем рвать тебя до утра!
Детский плач и раскаты хохота
Оглашают дворец Петра —
Глаз провалы сверкают яростью.
Сном объятый, молчит дворец.
Вурдалаки не знают жалости:
– Не жилец! – кричат,
– Не жилец!
...И луна головой отрубленной
Покатилась по столу...
– Стойте!
Кровью моей он купленный! —
Властно молвила тень в углу. —
Как и вы, я сечён несчитанно,
Хоть царю Петру не бастард.

¹³ Петр I часто называл свою столицу «Парадизом» (в пер. с французского – рай).

Батогом и железом пытан я...

Мной иску́плен мой младший брат.

– Расступитесь!

Не бойся, маленький... Нам с тобою лететь пора

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.